

«Накопить денег и свалить куда-нибудь на Гавайи...» Хорошая фраза, главное, очень доступная для понимания. Только не расслабляйтесь, сейчас потребуются некие усилия для того, чтобы понять другое. Вслушайтесь: жил человек на Гавайях в очень обеспеченной и стабильной, как и сами Гавайи, семье. И вот приехал он в Россию, прожил здесь восемь лет, и уезжать ему не хочется. Вопросы?

Сплошные вопросы. Ответы есть в книжке, изданной на английском языке московским издательством «Глас». Буквально ее название переводится, как «12 историй о России». Можно перевести и как «Двенадцатая Россия». Автор книги Энтони Перри говорит, что это его ответ на «Одноэтажную Америку»...

Новая газ - 2001 - апр - 11

— Энтони, можно ли понять вас так, что вы ехали в свое время в Россию для того, чтобы написать в конечном счете книгу?

— Нет, мне было 20 лет, я ехал по студенческому обмену в Московский лингвистический университет. Цель была совершенствовать русский язык, я его изучал со школьных лет. Позже работал в Чикаго с русскими эмигрантами, помогал им адаптироваться. Но никакого представления о России у меня на тот момент не было.

— И первый шок?

— Скажу о том, что уже стало клише: американская улыбка. Это был 92-й год, я увидел очень тусклый аэропорт «Шереметьево-2».

— Сегодня его называют «выходом из кризиса России».

— Для меня это был личный кризис. Я улыбался, и у меня сразу началось столкновение с таможней. Я перестал улыбаться, и меня простили.

— И вы поняли, что угрюмость в России — это что-то типа пароля: «свой».

— Да, вся первая глава моей книги об этом. Во второй — мой герой учится покупать и есть каждый день картошку. А уже через главу у него появляются друзья, и они учат американца главному: пить водку... И тут он понимает, что русские дома, в компании очень даже улычивы и открыты. У американцев это все как раз наоборот.

— Ясно... «12 стульев» Ильфа и Петрова послужили каким-то толчком к названию вашей книги?

— Да, конечно. И еще это как бы мой ответ Ильфу и Петрову на «Одноэтажную Америку». Что интересно: я последние полтора года отчаянно искал издателей на Западе — безуспешно. Мне было сказано, что книга слишком русская и западный человек не поймет ее. Я писал ее для своих русских друзей, и поэтому мне не надо было объяснять, что такое Россия. А когда уже написал — захотелось показать ее американцам. Показать Россию такой, какой ее увидел я. Думаю, моя книга — это алтернатива тем антироссийским книгам, которые издаются в Америке.

— Много таких книг?

— Проблема в том, что когда читаешь американскую газету и там есть хоть что-то о России, то эта статья неминуемо будет отрицательной. Никто сегодня там не напишет, что в Москве есть что-то, что хорошо.

— А что хорошо?

— Моя книга — это сравнение менталитетов россиян и американцев. Когда едешь в чужую страну, готовишься к каким-то глобальным различиям. А их нет. Все-таки и здесь, и там — менталитет двух держав. Я имею в виду то, как человек видит себя, свою страну по отношению к остальному миру. А те различия, которые есть, они поначалу поражают, потому что неожиданны. Это мелочи, их нельзя было предусмотреть, о них просто не думалось. Мне, к примеру, сказали, что в Москве лучшим подарком женщинам будут колготки и презервативы. Почему-то в Америке так считали. Я и вез. Но в 92-м как раз уже заканчивались времена нехватки товаров в России. Информация устарела... И обратный

пример: почему-то в России считается, что в Америке почему-то считается, что в Москве по улицам гуляют медведи. Я об этом впервые услышал в России. Никто в Америке так никогда не считал. Есть серьезная проблема: американцы никак не могут понять, что это такое: загадочная русская душа, что такое разговор по душам. В Америке так не говорят. И это вызывает напряжение, непонимание. Но у нас есть другая фраза: от сердца к сердцу. И в нее вкладывается фактически тот же смысл... В книге мой герой пытается измерить русскую душу — получается 78 кубических дюймов

— Это как он так измерил?

— А просто 78 в контексте книги — это такая мифическая цифра, связанная со

России постоянно жаловались на политических деятелей. Очень горячо успокаивал: «Ну что вы, все не так плохо. В Америке тоже проблемы...» Но люди этого не хотели даже слышать, особенно раньше: отношение к нам было здесь просто нереально хорошим. Слишком высоко возносили: свобода, демократия, самая лучшая страна в мире. Сейчас другое, мы оказались в разных ситуациях. И ваши власти, и наши бомбят города. Но американцы от этого не считают себя хуже всех на свете.

— Там люди отдельно, власти отдельно?

— Да, у нас не будут столько слов и душевных сил посвящать разговорам о политике. Но вот что важно понять: на уровне обычных людей — будь то американцы или русские — сегодня нет никаких проблем. Россия сильно изменилась за те годы, что я ее знаю. Сегодня не надо стоять в очереди за картошкой, если американец хочет, он может теперь в России устроить себе практически тот же образ жизни, к которому привык у себя дома. Все для этого есть. Но россияне продолжают жаловаться,

Я понял, что ХРЕЙ — это РАСТЕНИЕ

Фото Артема Годзакина

Американец Энтони Перри нашел правила игры слов

всем, что читает мой герой. Например, 78% всех женщин России — феминистки. Много, никто не верит. Он говорит: «А я читал!» — «Ну если читал, тогда, наверное». И тут же верят

— И про кубические дюймы души поверили?

— Да, раз напечатано — значит, так и есть

— В Америке нельзя вот так пригвоздить читателя цитатой?

— Нет, там книги не так сильно входят в жизненный уклад. Я не знаю, что лучше и что хуже. Я только говорю о том, что у нас разные подходы, а суть одна. К примеру, если человек упал на скользком асфальте, как поведут себя представители этих стран?

— Скорее русский подбежит, поднимет, отряхнет

— Может быть, даже отведет к себе домой, накормит, даст свой телефон. А американец просто исправит асфальт, чтобы там никогда не было скользко. Можно ли тут ставить вопрос: кто добре?

— Наверное, американцы могли бы воспользоваться вашей книгой как неким душевным путеводителем по России, что не заблудиться в этих душевых дюймах и не попасть впросак.

— Я поначалу сильно расстраивался оттого, что люди в

и я перестал их успокаивать. Ведь смешная ситуация: я защищал российское правительство перед русскими! Я просто понял: жалобы вовсе не означают, что жизнь плохая, и даже сам жалующийся не считает жизнь плохой. А просто ему от этих жалоб становится хорошо.

— То есть он говорит, что все плохо, для того, чтобы почувствовать себя хорошо?

— Да, а американцы не могут понять этот момент: «все плохо» у нас значит, что именно все плохо. И там, если мне это скажут, я обеспокоюсь. А здесь теперь только киваю: да-да, плохо-плохо, я согласен, да. Даже радостно улыбаюсь, потому что в переводе «все ужасно плохо» — это значит все о'кей. Без этой фразы здешнему человеку действительно плохо, а пожаловался, и через минуту он радуется жизни. Когда я это понял — успокоился, расслабился. Раньше сильно пугалася, думал, человеку нужна срочная помощь

— Вам теперь, наверное, будет скучно на Гавайях после России — там все предсказуемо.

— Но и здесь все понятно, если принял, почувствовал — значит, нашел стезю. Россия — это те же Гавайи, только немножко наоборот...

● Галина МУРСАЛИЕВА